

[На побывке в Москве \(teacrit.ru\)](http://teacrit.ru)

Ведомости

11 января 2000 [Вадим Журавлев](#)

На побывке в Москве

Дмитрий Хворостовский в Московской консерватории

В Большом зале Московской консерватории состоялся концерт, посвященный 10-летию сотрудничества прославленного баритона Дмитрия Хворостовского и его бессменного аккомпаниатора Михаила Аркадьева. Такие юбилеи еще никогда не отмечались на публике, да и по законам московской концертной жизни январь время отдыха в филармонических залах. Все это вызвало огромный интерес к концерту, который прошел с аншлагом.

Дуэт Хворостовского — Аркадьева не выступал в Большом зале консерватории почти два года. После долгой паузы многочисленных поклонников седовласого баритона решили порадовать необычной программой. Концертмейстер-пианист встал на этот раз за дирижерский пульт симфонического оркестра Московской филармонии. Хворостовский привез свой свежий багаж — вокальный цикл «Песни об умерших детях» Густава Малера и арии из моцартовского «Дон Жуана». В минувшем году Хворостовский стал первым русским певцом, которому была доверена главная партия в лучшей опере Моцарта. Причем не где-нибудь, а на родине композитора — в Зальцбурге.

На московской сцене звездный статус концерта должен был поддержать велеречиво-официозный Святослав Бэлза. В зале — Ирина Архипова, из рук которой Хворостовский получал свои первые конкурсные награды. Но сколько ни пытался Бэлза дежурными цитатами и обилием дат растянуть действие, это ему не удалось. Многие зрители остались недовольны тем, что Хворостовский пел слишком мало.

Да и качество вокала было слишком далеко от того, что должно определяться его мировой славой.

«Песни об умерших детях» оказались слишком низкими для голоса певца, и все пять номеров цикла охватывало чувство неловкости за звезду, что не умеет подбирать себе репертуар. Малеровская скорбь подменялась русским кликушеством, эмоциональная сдержанность — истеричными всплесками.

Но для обожания публики нет преград. Голос певца застревал где-то в первых рядах партера, а дальше его и слышно не было. От роскошного тембра остался серый, невыразительный «наждак». Две крохотные канцонетты из «Дон Жуана» (Моцарт написал для своего протагониста роскошные дуэты и ансамбли, обеднив его сольный репертуар) были исполнены в духе русской вокальной школы, весьма далекой от моцартовского музицирования.

Все это не интересовало публику, собравшуюся поглазеть на кумира.

Добившийся в 38 лет всего, чем другим только мечтать приходится, Хворостовский — фигура во многом знаковая для нынешнего состояния оперного рынка. В дикой чехарде театров и фестивалей, сотен постановок и записей удачное попадание в ситуацию, умелый импресарио играют гораздо большую роль, чем талант или умение трудиться над своим голосом. Слава спешит впереди артиста, его «раскрутку» не только за рубежом, но у нас уже пора преподавать будущим акулам PR-фронта. Ведь главное — сам факт выступления в роли Дона Жуана в Зальцбурге. То, что его исполнение подлило масла огонь фестивальной критики, посчитавшей, что в «караяновскую эпоху» такого певца не пустили бы на порог театра, за стенами Зальцбурга никому не интересно.

Появившийся на западном рынке на волне интереса к России, Хворостовский и сейчас эксплуатирует имидж «русского до мозга костей». На обложке «свиридовского» диска он позирует на фоне русской избы. Его седая шевелюра в том же Зальцбурге была неотъемлемой частью фестивального пейзажа — он взирал на туристов витрин парфюмерных магазинов и со стекол троллейбусов. В Москве концертам Хворостовского реклама не нужна. Но хочется, чтобы его редкие появления в Москве были больше похожи на творческие, а не на туристические поездки. Ведь в финале концерта он наконец мягко и без натуги исполнил шлягерный романс Чайковского «Средь шумного бала».